

Philosophical Sciences

Философские науки

UDC 86

Diplomatic Worldview: Interpretative Pluralism

¹ Bayzhol I. Karipbaev

² Anna N. Kropotova

¹ Karaganda State University named on E.A.Buketov, Kazakhstan
100000, Karaganda, Mukanova str., b. 1

Dr. (Philosophy), Professor

E-mail: karipbaev@mail.ru

² Karaganda State University named on E.A.Buketov, Kazakhstan
PhD student

Abstract. This article is devoted to topical issues of interpretative pluralism, which formed the basis of the modern worldview. The attitude "world as text" enables to reveal new methodological, ontological and axiological perspectives of man's self-determination in this world, his possibilities to participate in social reality construction. Such approach, offered within postmodernism, enables to expand our epistemological horizons.

Keywords: Text; deconstruction; sign; symbol; meaning; value; pleasure; delight; author; reader.

Введение. Современный мир, находится в стадии серьезных социальных трансформаций. Эти процессы требуют новых методологических подходов к анализу социальной реальности, серьезного мировоззренческого осмысления. В этих исследовательских ракурсах возможно и необходимо использовать когнитивный потенциал постмодернистских резолюций. Анализ мира как текста дает широкие возможности для понимания, объяснения, а главное для конструирования новых концептов этой реальности. Такая установка требует фундаментальной научной рефлексии по вопросам текстуальности мира, «чтения» этого мира, его формирования в соответствии с новым ценностными акцентами.

Материалы и методы. Предлагаемые научные результаты стали следствием анализа научной литературы, концепций, отражающих основные идеи герменевтики (Г.Гадамер [1; 21], Ф.Шлейермахер [2; 218], П.Рикер [3; 65]), постмодернизма (Р.Барт [4; 413], М.Фуко [5; 444], Ж.Деррида [6; 118], Ж.Делез [7; 19]). Данное проблемное поле исследовано с помощью междисциплинарного методологического комплекса. Автор использовал методы семантического, герменевтического, системно-структурного и логического анализа

Обсуждение результатов. Понятие текста, до XX века не считавшееся проблематичным и нуждающимся в комплексном подходе, с началом серьёзных семиотических исследований утрачивает свою определённую. Изучение текста как *знакового* образования существенно расширяет объём этого понятия, поскольку подвергается ревизии природа самого знака: он перестаёт мыслиться исключительно в рамках вербальности. Нелингвистическая трактовка знака позволяет определять как текст «любой объект – произведение искусства, вещь, обычай и т.д., – рассматриваемый как носитель информации» [8; 35].

Поскольку текст в его предельно широком понимании является краеугольным камнем постмодернистской эстетики, мы не можем не заинтересоваться работами мэтров постмодернизма (хотя за редкими исключениями и отрекающихся от этого «звания»), предпринимавших смелые попытки в утверждении «принципиально нового, не приемлющего статики и однозначных определений взгляда на мир» [9; 299] – мир как текст.

В данной статье мы хотим обратиться к работе Ролана Барта «Удовольствие от текста», идеи которой во многом определили становление и последующее развитие постмодернизма, а введённые автором понятия прочно вошли в постмодернистский словарь, оставаясь предметом пристального анализа и неизбежных дискуссий со стороны тех, кто неравнодушен к феномену постмодернизма.

Предлагаемая Бартом концепция деления текстов на два оппозиционных типа – текст-удовольствие и текст-наслаждение – сложилась как результат анализа литературного творчества, хотя и не без упоминания в качестве отдельных примеров текстов, относящихся к другим областям искусства. На наш взгляд, данная концепция может оказаться справедливой по отношению к любым текстам. Но прежде чем перейти к попытке обоснования данного тезиса, попытаемся уяснить для себя, едва намеченный французским исследователем, водораздел между этими понятиями.

Предваряя определения понятий «текст-удовольствие» и «текст-наслаждение», Барт в скобках делает оговорку о том, что в терминологическом отношении «удовольствие» и «наслаждение» не могут быть строго дифференцированы: «разграничение этих понятий не приведёт к твёрдым классификациям, парадигма сохранит подвижность, смысл – шаткость, неокончателность, обратимость...» [10; 463]. Семантическая сопряжённость слов «удовольствие» и «наслаждение», позволяющая включать их в словари синонимов, создаёт трудности для чёткого их различения. Бессильный перед ограниченностью языковых средств, Барт вынужден определять наслаждение через удовольствие. Кроме того, понятие удовольствия у него выступает в двух значениях, одно из которых, более общее, принимает форму «Удовольствия-вообще» – это понятие охватывает те тексты, которые по отношению к читателю выступают в качестве субъектов Желания: «Текст, который вы пишете, должен дать мне доказательство того, что он меня желает» [10; 464], и это доказательство может быть явлено только в письме. Текст, напоминающий невнятное бормотание грудного младенца, которое навеивает на читателя скуку, Барт называет фригидным (заметим, что это понятие, в отличие от текста-удовольствия и текста-наслаждения, не включено в словари и энциклопедии постмодернизма, что, на наш взгляд, не вполне справедливо). Он не приводит примеров фригидных текстов, но можно сделать вывод, что таковыми могут быть названы робкие опыты начинающего писателя или поэта (который, возможно, навсегда останется начинающим), нечто вроде первой книги стихотворений Некрасова «Мечты и звуки», либо сочинения, вышедшие из-под пера графомана. Текст, не способный возбудить, может быть прочитан только с целью вынесения ему сурового, но справедливого приговора (со стороны талантливого писателя, критика либо издателя, не желающего иметь дело с продуктом, от которого откажется даже поистине всеядный читатель). Впрочем, чтобы составить мнение о «качестве» такого текста, не обязательно читать его от начала до конца.

Фригидный текст пишется «в стол» не потому, что намного опередил своё время, а потому, что его времена никогда не настанут – это плод, родившийся мёртвым. Упомянем о схожей участи текстов иной знаковой природы, обладающих свойством фригидности. Сколько раз нам приходилось наблюдать распродажу одежды в недорогих магазинах, где, сваленная в корзины, никем не ношенная, но уже постиранная, потому что успела покрыться толстым слоем пыли за то время, что никто не обращал на неё внимания, она не может привлечь покупателя даже после существенной уценки. Неладно скроенные из материй невообразимых расцветок, но не всегда крепко сшитые, нередко с торчащими из самых неожиданных мест нитками, а после стирки ещё и лишённые пуговиц, эти вещи, пожалуй, не соблазнят и в том случае, если их будут предлагать бесплатно.

Фригидность, как некий смертельный вирус, переданный ребёнку от матери, может уничтожить текст-носитель не сразу – так выходит из моды вещь, в которую при создании был введён вирус определённой модной тенденции. К текстам, таящим в себе такой самоубийственный ингредиент, мы обратимся несколько позже, когда коснёмся вопроса правомерности рассмотрения произведений массовой литературы в рамках категории Удовольствия-вообще.

Возвращаясь к теме Желания, добавим, что доказательство сексуальной привлекательности текста, если уж вслед за автором придерживаться аналогий, почерпнутых в сфере эротики, может быть убедительным далеко не для всех. «Птичница Агафья» К. Лукашевич, приводившая в восторг сентиментальных гимназисток, хотя была

написана для детей вообще, едва не убила интерес к чтению у маленького Маяковского (не упомяни он эту повесть в одном из своих произведений, мы бы о ней и не знали; сотрудники музея имени Маяковского приложили немало усилий для того, чтобы разыскать экземпляр первой книги, прочитанной будущим поэтом). Подход к тексту с точки зрения его сексуальности всецело находится во власти субъективизма: после столкновения с бездной, развезшейся в пространстве привлекающего *меня* текста (опять-таки, в нём изначально должно быть заложено что-то, что позволит *мне* «дожить» до момента столкновения), *моё* опрокинутое, деформированное сознание заставит *меня* устремиться на поиски созвучных переживаний в сердцах «людей, подобных *мне*» [10; 506], о которых упоминает Барт, представляя *своё* переживание удовольствия. *Мне* не подобные отвергнут пожелавший *меня* текст – в силу вступает пресловутый спор о вкусах, который, если верить Ницше, и составляет всю человеческую жизнь.

Текст, способный соблазнить читателя (однако, не важно, какого – похожего на меня или мне антагонистичного, мы говорим здесь о способности как таковой), содержит нечто, выходящее «за рамки его функции (социальной) и функционирования (структурного)» [10; 476]. Только в отношении таких текстов, мыслимых в категории Удовольствия-вообще, справедливы понятия «текст-удовольствие» и «текст-наслаждение». Предпринимая попытку дифференциации данных понятий, Барт выделяет два рода удовольствия: удовольствие нетерпеливого ожидания, подобное тому, которое испытывает наблюдающий за стриптизом, и удовольствие, доставляемое неожиданным мерцанием наготы между частями одежды. Удовольствие второго рода автор и называет наслаждением.

Удовольствие первого рода испытывает читатель классических повествований, находящийся во власти напряжённого ожидания развязки. Желание скорейшего «разоблачения» авторского замысла заставляет его пропускать те части текста, которые не несут сюжетобразующей нагрузки. Такие повествования довольно легки для пересказа, и многие студенты-филологи, которым в сжатые сроки необходимо осилить достаточно большой объём произведений, без утрызений совести пролистывают пейзажные зарисовки и авторские отступления. Мы уже не говорим о школьниках, изучающих «Войну и мир» и «Тихий Дон» по интернетовским дайджестам (Барт выражает сомнение по поводу того, что кто-либо вообще читал «Войну и мир», не выбрасывая ни единого слова). Правда, с точки зрения Барта, «удовольствие от великих повествовательных произведений возникает именно в результате чередования читаемых и пропускаемых кусков» [10; 469], хотя неискушённый читатель вряд ли с этим согласится.

Но есть тексты, структурно-семантическая организация которых сводит на нет возможность подхлестывания повествовательного стриптиза: читателя увлекает не сюжет, который второстепенен по отношению к языку, а *текстура* – «бесовская текстура», по выражению Барта, которая задаёт «дифракцию смыслов» [11; 419]. Эти тексты предполагают иной способ прочтения, нежели классические. Чтобы суметь поддаться соблазну разрыва, обнажающего бунтующую плоть языка, необходимо «не глотать, не пожирать книги, а трепетно вкушать, нежно смаковать текст, нужно вновь обрести досуг и привилегию читателей былых времён – стать аристократическими читателями» [10; 470]. Такие тексты крайне затруднительно, а то и невозможно пересказывать. Можно ли помыслить пересказы «Улисса» Джойса или «Хазарского словаря» Павича? Как справедливо замечает Барт, «вы ничего не можете сказать «о» подобном тексте, вы можете говорить только «изнутри» него самого» [10; 478], с наслаждением примеряя на себя роль со-автора.

Пытаясь выяснить, в чём заключается кардинальное различие характеров связи текста-удовольствия и текста-наслаждения с культурой, в соответствии с их внутренними качествами, Барт приходит к выводу, что текст-удовольствие, «приносящий удовлетворение, заполняющий нас без остатка, ... идёт от культуры, не порывает с ней и связан с практикой комфортабельного чтения», в то время как текст-наслаждение, «вызывающий чувство потерянности, дискомфорта, ... расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, вызывает кризис в его отношениях с языком» [10; 471]. Здесь автор дистанцируется от семантики слова «наслаждение» в его обыденном смысле, ибо какое наслаждение может вызывать чувство потерянности и дискомфорта? Но парадокс его утверждения только кажущийся: дискомфорт нужно рассматривать как необходимое условие для освобождения текста от

власти традиции, благодаря которому только и возможны поиски путей, ведущих к неведомому доселе наслаждению. Разрыв текста-наслаждения с традиционной культурой (а не культурой вообще) становится возможным благодаря его новизне, «ибо только новое способно поразить (потрясти) наше сознание...» [10; 494].

В качестве примеров, иллюстрирующих понятие текста-удовольствия, Барт предлагает произведения XIX века – романы Золя, Стендаля, Флобера, Диккенса, Толстого и др. Понятие же текста-наслаждения Барт применяет к современному литературному творчеству, но это вовсе не означает, что современность текста определяется хронологически. Ранее, в работе «От произведения к тексту», Барт вводит понятия произведения и Текста (Барт пишет это слово с заглавной буквы), которые, на наш взгляд, и были трансформированы в текст-удовольствие и текст-наслаждение: утверждение о том, что произведение «замкнуто, сводится к определённом означаемому» [11; 416], которое может быть реконструировано герменевтически, справедливой по отношению к тексту-удовольствию, а постулирование множественной сущности Текста, для которого характерны «взрыв, рассеяние смысла» [11; 417], распространяется и на текст-наслаждение. При этом автор предупреждает о бесполезности попыток разграничения произведений и текстов по хронологическому принципу, поскольку и произведения древности могут содержать черты Текста, и образцы современной литературы подпадать под категорию произведения, и с этим нельзя поспорить. (Заметим, что в дальнейшем мы не будем, во избежание терминологической путаницы, использовать понятия произведения и текста как антонимичные, то есть как эквиваленты понятий «текст-удовольствие» и «текст-наслаждение»).

Обилие примеров из классической литературы несколько сбивает нас с толку, как бы подталкивая к мысли, что текст-удовольствие, в общем, должен быть представлен произведениями, внесшими неоценимый вклад в культуру. Однако, согласно Барту, рассмотрение текстов с позиций удовольствия/наслаждения исключает возможность оценивания их качества: «никаких наградных списков, никакой критики...» [10; 471]. Значит ли это, что и образцы массовой литературы могут рассматриваться в категории Удовольствия - вообще, а не зачисляться автоматически в разряд асексуальных текстов (оговоримся, что мы рассматриваем асексуальность как компонент парадигмы телесности философии постмодернизма), подавляющих читательский интерес своими сомнительными достоинствами? Справедливо ли рассматривать массовую литературу лишь как «питательную среду постмодерна» [12; 168], поставляющую благодатный материал для пародии?

Никто не будет отрицать тот факт, что массовая литература способна соблазнить определённую (довольно широкую) читательскую аудиторию, следовательно, никто не осмелится обвинить её во фригидности – значит, и на неё распространяется понятие Удовольствия-вообще. Да, удовольствие, доставляемое массовой литературой, настолько грубо и пошло, что отсылает нас за сравнениями не в кабаре или стриптиз-бар, а в публичный дом; но разве кто-нибудь усомнится в *подлинности* удовольствия, спрос на которое предопределён самой физиологией? Барт с сожалением констатирует, что «рынок ... завладевает текстом» [10; 480], а раз так, то мы вынуждены смириться с тем, что общий статус текста-удовольствия позволяет поставить в один ряд «Идиота» и какое-нибудь «Жестокое сердце» (придумав это словосочетание в качестве типичного заголовка женского романа, мы уверены, что произведение с таким названием действительно существует). И хотя чередование «интересных» и «неинтересных», с точки зрения включённости в сюжет, частей вряд ли можно предположить в тексте, предназначенном для нетребовательного читателя (а ведь это, по Барту, и составляет прелесть текста-удовольствия!), классику и ширпотреб объединяет «практика комфортабельного чтения». К чести классики всё же добавим, что её уравнивание в правах на удовольствие с массовой литературой носит относительный характер: последняя, неизбежно претерпевая стадию климакса, поскольку заражена тем вирусом фригидности, о котором мы упоминали, обречена на смерть, поэтому в ряду, представляющем текст-удовольствие, инвариантными будут классические тексты, а их соседи-гастарбайтеры каждый раз будут меняться.

Заключение. Отмечая безусловную ценность постмодернистского подхода к миру как к тексту, анализу литературных текстов через категории «удовольствие»,

«наслаждение» авторы осуществили попытку использовать эти конструкции для анализа всех видов текста, демонстрируя универсальность предложенных понятий-феноменов. Помимо этого авторы продолжают постмодернистскую линию читательского соавторства, склоняясь к мысли о том, чем более свободным соавтором чувствует себя читатель тем более гениальным является литературное произведение.

Примечания:

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./ Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
2. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский дом», 2004.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике /Пер. с фр. и вступит, ст. И. Вдовиной. М.: 'КАНОН-пресс-Ц'; 'Кучково поле', 2002. 624 с.
4. Барт Р. Критика и истина // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 413–423.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
6. Деррида, Ж. Поля философии. Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. 376 с.
7. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Общая редакция и послесл. В.А. Подороги. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова М.: Логос, 1997. 264 с.
8. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
9. Краткий философский словарь / под ред. А.П. Алексеева. М.: Проспект, 2005. 496 с.
10. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. С.462–518.
11. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. С.413–423.
12. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 256 с.

УДК 806

Текстуальная картина мира: к вопросу об интерпретационном плюрализме

¹ Байжол Искакович Карипбаев

² Анна Кропотова

¹ Карагандинский государственный университет имени Е.А.Букетова, Казахстан
100000, Караганда, ул. Муканова, 1
Доктор философских наук, профессор
E-mail: karipbaev@mail.ru

² Карагандинский государственный университет имени Е.А.Букетова, Казахстан
Магистрант

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным вопросам интерпретационного плюрализма, который лег в основу современного видения мира. Установка «мир как текст» позволяет выявить новые методологические, онтологические и аксиологические ракурсы самоопределения человека в этом мире, его возможности активного участия в конструировании социальной реальности. Такой подход, предлагаемый в рамках постмодернизма, позволяет раздвинуть наши эпистемологические горизонты.

Ключевые слова: Текст; деконструкция; знак; символ; смысл; значение; удовольствие; наслаждение; автор; читатель.